

На правах рукописи

Марченя Павел Петрович

**Крестьянство Поволжья и большевики
в 1917 году: социокультурный аспект**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2002

Работа выполнена на кафедре отечественной истории новейшего времени
Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного
университета

Научный руководитель:	доктор исторических наук, профессор О. Г. Буховец
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор Н. А. Проскурякова кандидат исторических наук, доцент Н. Н. Коршунова
Ведущая организация:	Московский педагогический государственный университет

Защита состоится «_1_» _ноября_ 2002 г. в __16__ часов на
заседании диссертационного совета Д. 212.198.03. по защите диссертаций на
соискание ученой степени кандидата исторических наук при Российском
государственном гуманитарном университете по адресу: 125267, Москва,
Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Российского государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан «__1__» __октября__ 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Е. В. Барышева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность научной проблемы Изучение революции 1917 г. продолжает оставаться одной из важнейших и, в то же время, сложнейших проблем отечественной истории; вызывает пристальный (а нередко и пристрастный) интерес со стороны ученых, политиков, широкой общественности. Эта переломная эпоха содержит в себе немало поучительных параллелей, в известном смысле перекликающихся с современностью. Период от Февраля к Октябрю стал временем мучительного поиска выхода из глубочайшего системного кризиса, временем исторического выбора из ряда существовавших тогда альтернатив пути, которому суждено было надолго определить основные тенденции дальнейшего развития. И выбор этот во многом определялся позицией крестьянства, его политическими настроениями, социальной активностью, отношением к предлагаемым различными партиями альтернативам. Именно от крестьянства, не просто составлявшего большинство населения России, но, по сути, являвшегося хранителем ее традиций, носителем социокультурных кодов ее цивилизации, ее «почвы», в первую очередь, и зависела судьба дотоле невиданной им «демократии», провозглашенной Февральской революцией. Этот кризис привел к распаду империи, экономической катастрофе, длительной и кровопролитной гражданской войне, закончившейся утверждением тоталитарной альтернативы.

Переживаемое ныне состояние российского общества отчасти напоминает ситуацию 1917 г., что позволяет некоторым исследователям сделать даже такой вывод, что Россия возвратилась к решению проблем, оставленных ей началом XX века. В этих условиях значимость осмысления социокультурного аспекта революции (в том числе и на региональном уровне, позволяющем более полно и конкретно раскрыть заявленную тему на местном материале) трудно переоценить. Кроме того, фактически, только в последнее время в отечественной

науке были созданы реальные условия для объективного исследования указанной проблемы, актуальность которой вытекает из ее как теоретико-познавательной, так и практически-прикладной значимости.

Объектом данного исследования является весь комплекс взаимоотношений крестьянства и партии большевиков в 1917 г., участие крестьянских масс в политической жизни поволжских губерний и деятельность местных организаций РСДРП(б) по использованию крестьянства в своих тактических целях.

Предметом диссертационного анализа является социокультурный аспект взаимовлияния крестьянства Поволжья и большевиков в период между двумя революциями 1917 г.

Хронологические рамки работы определены темой исследования и охватывают период с марта по октябрь 1917 г. - от свергнувшей самодержавие и попытавшейся создать демократическую политическую систему Февральской революции до окончательного краха этой системы и прихода к власти большевиков, установивших в стране диктатуру.

Территориальные рамки исследования ограничены пределами Симбирской, Самарской и Саратовской губерний, где крестьянский вопрос был доминантой местной политической жизни от Февраля к Октябрю. Территория достаточно репрезентативна для построения модели как крестьянского движения и его роли в событиях аграрного Поволжья, так и участия крестьянства в революции в целом, поскольку в этом регионе, сконцентрировавшем в себе все сущностные противоречия российской деревни, были отражены и все характерные для крестьянской страны черты. Названные губернии стали на время показательной ареной борьбы ведущих политических сил за крестьянство, без поддержки которого дорога к власти любой из них была закрыта.

Целью данного исследования является выявление и анализ социокультурного аспекта взаимоотношений большевиков и крестьянства от Февраля к Октябрю 1917 года.

Ввиду многоплановости темы, в работе внимание сосредоточено на описании узловых проблем, характеризующих предмет исследования, и решены следующие **задачи**:

1. Определение места и роли социокультурного аспекта крестьянского вопроса в общей картине политической борьбы в Поволжье и раскрытие целей и средств большевиков в его использовании.

2. Выяснение уровня политико-правового сознания крестьянства, характеристика его социокультурных черт, оказавших важное влияние на ход событий и обусловивших отношение крестьян к политическим партиям.

3. Анализ динамики изменения политических настроений крестьян и направленности крестьянского движения как фактора победы большевиков.

Методологическая основа работы обусловлена признанием плюралистического характера процесса постижения исторической истины, в связи с чем в ходе исследования реализован актуальный для современной историографии конвенциональный (“комплиментарный”) подход к существующим теоретическим представлениям, согласно которому последние использовались в той мере и в тех соотношениях, в каких они наиболее адекватны сформулированным задачам. Комплексное исследование проблемы, сложной и в определении фактологической истины, и в ее методологической оценке, потребовало полидисциплинарности. Историзм в этом случае предполагает учет изысканий политологии, социологии, социальной психологии, философии истории, а традиционные методы исследования (диалектический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, иллюстративный) органично дополняются такими подходами как цивилизационный,

ориентированный на ценность любого исторического опыта, и альтернативный, устремленный на поиск закономерностей развития социальных процессов и факторов, которые при наличии ряда альтернатив обеспечили «исторический выбор» одной из них. Автор исходил из соображений современных исследователей, что при этом выборе определяющую роль играли «ментальные стереотипы, сложившиеся в результате опыта целого ряда поколений» (Р.С. Цейтлин, Ж.Ю. Кургаева), ибо «социальное поведение людей детерминируется не столько материальными интересами и общественным статусом, сколько уровнем образования, культуры, исповедуемыми ценностями, оценкой ближайших перспектив, избираемой моделью жизни и другими личностными факторами» (Н.Е. Тихонова.). Отечественные историки лишь сравнительно недавно отметили, что «эвристический потенциал исследования значительно умножается при условии изучения ментальности и социального поведения в связке» (О.Г. Буховец). Это положение принципиально для данного исследования, базирующегося на социокультурном анализе. Объектом его, по выражению В.П. Булдакова, является «психологический феномен человека на изломе большого исторического времени», что «дает возможность соединить эмпирические преимущества социальной истории революции с их компаративистским обобщением», и преодолеть «главную утопию XX века - веру в историю без живых людей», «вернуть прошлому его человека».

Синтез вышеперечисленных подходов и методов на основе анализа противоречивых, сложных процессов, составляющих предмет исследования, дал возможность сформулировать сравнительно цельную концепцию видения проблемы, отвечающую современному уровню исторической науки.

При характеристике *степени изученности темы* отмечено, что отдельные элементы комплекса проблем, с ней связанных, имеют немалую историографическую традицию. Существует широчайший круг изданий, так или

иначе затрагивающих историю участия крестьянства в революционных процессах, включая и ряд специальных историографических работ как всероссийского, так и регионального уровней. В развитии историографии темы условно выделено **четыре этапа**: *1917 – 1920-е гг.; конец 1920-х – I-я пол. 1950-х гг.; II-я пол. 1950 – 1980-е гг.; конец 1980-х – начало 2000-х гг.*

Фактически в роли первых исследователей выступили непосредственные очевидцы и участники изучаемых событий, работы которых можно считать одновременно как источниками по теме, так и началом ее осмысления. Несмотря на полемическую запальчивость, в них подчас делались серьезные попытки отразить отдельные аспекты борьбы партий за крестьянские массы. Уже в 20-е гг. вышел ряд обобщающих работ, анализирующих структуру деревни в период революции, социальные перемены и борьбу в ней. Труды А. Хрящевой, И. Верменичева содержат статистический материал, данные о классовом составе крестьянства и даже частично о деятельности партий в деревне, но практически не имеют информации, касающейся социокультурного аспекта. В работах Я.А. Яковлева, С.М. Дубровского, А.В. Шестакова подчеркивается стихийность, неуправляемость «аграрного движения», что уже позволяет ставить вопрос о его социально-психологических предпосылках. Но речь идет лишь о некоторых противоречивых штрихах, не дающих возможности воссоздать социокультурный облик крестьянства как особой силы, участвовавшей в революции. С.М. Дубровский, например, вовсе не видит разницы между интересами помещиков и крестьян-собственников, называя их всех «кулаками». А вот А.В. Шестаков подчеркивает, что крестьянство ликвидировало помещичье землевладение самостоятельно, без помощи городского пролетариата и его партии. Но и он причину крестьянского движения видит не в его социокультурных характеристиках, а в безвыходном положении хозяйства. Складывается концепция двойного характера Октябрьской революции (в городе -

пролетарская–антибуржуазная, в деревне – крестьянская–антипомещичья), классическим выражением которой стала монография Л.Н. Крицмана. «Пролетарская революция и деревня». В регионе вышли публикации по проблематике Октября на местах (В.П. Антонова, В. В. Троцкого и др.).

Работы, написанные по горячим следам недавних боев, нельзя назвать беспристрастными трудами; они выражают свойственный времени колорит, дух бескомпромиссной борьбы, уделяя внимание деятельности именно большевиков и доказательству их гегемонической роли в руководстве массами, в том числе и крестьянскими. Уникальным исключением является «Хроника революционных событий...», составленная беспартийным сотрудником самарского истпарта И.И. Блюменталем, содержащая ценный объективный материал обо всех ведущих партийных организациях Самарской губернии, что позволяет сравнить формы и методы борьбы РСДРП(б) за местное крестьянство с другими партиями. Особое место занимает и работа эсера П.Д. Климушкина, изданная Комучем, в которой приводятся сведения о подоплеке крестьянского движения, его взаимосвязях с рабочим движением и деятельностью партий и организаций.

Все же в этот период сохранялась возможность относительного плюрализма мнений, и труды эти обладают научным потенциалом, который до сих пор не исчерпан. В конце 20-х годов ситуация меняется. Достаточно стало обвинения в «объективности», чтобы отстранить историка от работы. Многие ценные труды выводились из оборота, поскольку не соответствовали сфальсифицированной истории «аграрной революции»; историческая литература сводилась к выполнению заказа партии в лице ее вождя и выверялась по непререкаемым канонам «Краткого курса». В сочинениях А. Арсентьева, М. Гайсинского, В. Зайцева, Т. Ремезовой без аргументации констатируется, что «пролетариат и его партия привели крестьянство к великим октябрьским дням», и резко негативно оцениваются все остальные партии. Диссертации, посвященные

участию поволжских крестьян в революции (А.Ф. Полещука, С.И. Фадеева, М.А. Гнутова) содержат все характерные приметы времени, вплоть до откровенной фальсификации (эгалитаризм крестьян выдается за осуществление большевистской программы под большевистским же руководством, вклад эсеров приписывается ленинцам и т.д.). Появились работы, специальным предметом которых была политика большевиков по отношению к крестьянству. Типичны диссертации Г.В. Стороженко, С.А. Крупнова, как на обобщающем, так и на местном уровне изображающие категоричную «красно-белую» картину.

«Оттепель» и частичная десталинизация общества вызвали сравнительную либерализацию в изучении 1917 г. Вышли труды, в которых освещались методы борьбы большевиков за крестьян, история социальной борьбы в деревне, вопросы, связанные с формированием и деятельностью крестьянских организаций (работы А.Я. Утенкова, П.Н. Соболева, В.И. Кострикина, В.А. Демидова, Н.А. Кравчука, О.Н. Моисеевой, А.В. Седова, А.Д. Малявского, А.С. Смирнова, Т.В. Осиповой, П.Н. Першина). К полувековому юбилею революции издано сочинение И.И. Минца, обобщившее множество локальных работ и канонизировавшее как достижения советской науки, так и присущие ей недостатки. Приоткрылся доступ к освещению «непролетарских» партий, при неременной оценке «контрреволюционного» лагеря как обреченного на неизбежный крах, а если какое-то время и пользовавшегося популярностью в массах (в том числе крестьянских), то исключительно благодаря «обману», который временно ввел их в заблуждение (труды Х.М. Астрахана, К.В. Гусева, В.В. Комина, Н.В. Рубана, Л.М. Спирина и др.). Появились работы, обобщающие опыт борьбы партий за крестьян (В.Н. Гинева, Е.В. Иллерицкой). В региональном масштабе также исследовались партии, соперничавшие с ленинцами в борьбе за крестьян (С.Ш. Овруцкой, Д.С. Точеного и др.).

К «круглым датам» Октября в поволжских областях проводилась работа по публикации источников, что стимулировало тиражирование соответствующего нарратива. Вышли в свет очерки истории местных организаций КПСС. Издано комплексное исследование «Октябрь в Поволжье». Вклад в изучение отдельных проблем внесли Е.И. Медведев, В.П. Семьянинов, Г.А. Герасименко, Н.Н. Кабытова и другие историки Поволжья, но социокультурный аспект революции остался в основном вне интересов ученых. Фактический материал, накопление которого является заслугой историков советского периода, не мог получить объективного анализа в «прокрустовом ложе» историографических схем.

К середине 80-х гг. отечественная история оказалась в состоянии кризиса. «Перестройка» и отказ от прежней модели, на которую ориентировалось общество в своем развитии, вызвали попытки осмыслить многовариантность, альтернативность истории. Одним из центральных пунктов переосмысления явились события 1917 г., что выразилось в ряде конференций. Преодолению односторонности способствовали и публикации работ западных авторов (Р. Пайпса, Д. Скотта, О. Файджеса, М. Френкина и др.). Намечены методологические направления историографии темы (труды П.В. Волобуева, В.П. Булдакова и др.). Появились работы по выявлению социально-психологического облика крестьянства, в том числе с использованием материалов Поволжья (П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака). В исследованиях последнего времени (Г.А. Герасименко, В.В. Кабанова, В.Л. Телицына, О.Г. Буховца, В.М. Бухараева, Д.И. Люкшина, Т.Г. Леонтьевой, Ю.П. Бокарева, О.С. Поршневой и др.) анализируются не только социально-экономический и политический, но и социокультурный контекст революции. В частности, Б.Н. Мироновым сформулированы важные наблюдения о воспроизведении общинного строя социальной моделью большевизма, а работы О.Г. Вронского актуализируют роль

в русской революции «воинствующего традиционализма» и «экспансии общинного уклада».

Время смены историографической парадигмы истории 1917 г. оказалось плодотворным для защиты диссертаций, касающихся темы. Труды В.И. Миллера, Ф.А. Рашитова поднимают проблемы связей массового сознания и политического выбора России; работы В.П. Барынкина, Д.И. Состина, Д.Г. Сельцера посвящены участию крестьянства регионов России в революции (правда, акцентируют в основном социально-экономический блок проблем). Близка к теме диссертация Ю.П. Сулова (на материалах Поволжья), но в центре ее находится борьба партий за разрешение аграрного вопроса и сопоставление соответствующих доктрин, а не социокультурные связи крестьянства и партий. В работе А.Г. Рамазанова анализируется правосознание крестьян Самарско-Симбирского Поволжья, что стало вкладом в рассмотрение одной из частных сторон комплекса вопросов социокультурного аспекта революции. Защищены диссертации о «крестьянстве в шинелях» и влиянии на него партий (С.В. Ямщикова, А.В. Чертищева), о крестьянской общине и ее участии в политическом процессе (Д.И. Люкшина, Т.В. Ефериной).

Но в целом, анализ историографии позволяет сделать вывод, что пока отсутствует целостная, внутренне непротиворечивая концепция рассмотрения темы, а проблема настоящей диссертации до сих пор не была предметом специального конкретно-исторического исследования.

Характеризуя *источниковую базу* диссертации, отметим, что в основу положен обширный неоднородный комплекс источников, отбор которых осуществлен в соответствии с целью и задачами из огромной совокупности данных. Отобранный источниковый массив условно структурирован на отдельные группы, имеющие специфические особенности.

Опубликованные источники подразделены на следующие группы.

1. *Изданные в 1917 г. официальные документы, объективно свидетельствующие о работе крестьянских организаций разного уровня и о деятельности властных органов по крестьянскому вопросу* («Протоколы 2-ого Самарского губернского крестьянского съезда», «Журнал Чрезвычайного Симбирского Губернского Земского Собраниа» и т.п.) позволяют «окунуться» в общественную атмосферу тех дней, «увидеть» весь политический спектр, «прочувствовать» настроения и мотивы, «услышать» речи представителей организаций, адресованные крестьянству, и самих крестьян.

2. *Опубликованные в 1917 г. пропагандистские издания партий, соперничавших с ленинцами*, знакомят не только с установками по аграрному вопросу, но и позволяют взглянуть на большевиков глазами их конкурентов. Отдельные издания, выходившие в губерниях, дают пищу для размышлений о характере партийной борьбы в регионе. Некоторые же работы (например, А.С. Изгоева) специально посвящены сопоставлению ментальных оснований крестьянского движения и тактики ленинской партии.

3. *Документы КПСС, официально изданные* и доступные любому интересующемуся, несмотря на сравнительную изученность, остаются полезным источником, позволяя анализировать этапные стратегические и тактические позиции партии во взаимосвязи с традиционными представлениями крестьян и их поведением в революции.

4. *Работы В.И. Ленина*, посвященные борьбе за власть (то есть, за крестьянство) и содержащие указания вождя, понимавшего значение «деревни» в русской революции, незаменимы при осмыслении целей и средств ленинцев.

5. *Хроники событий революции на местах* представляют определенный, тенденциозно подобранный материал. Только упомянутая «Хроника» И.И. Блюменталю освещает факты политической жизни Самарского Поволжья, могущие служить базой для сравнительного анализа деятельности местных

политических организаций по крестьянскому вопросу и для размышлений по поводу осознанности крестьянами проводимой партиями политики.

6. *Тематические сборники документов и материалов и сборники воспоминаний очевидцев и участников событий* содержат немного материала, способного пролить свет на проблему, ибо составлены так, чтобы однозначно «аргументировать» миссию партии Ленина в качестве монопольного выразителя подлинных чаяний народа, а отрывочные материалы о крестьянстве привлекают только для «доказательства» этого тезиса.

7. *Воспоминания партийных и государственных деятелей той эпохи (мемуарная литература)*. Характерно, что и лидер либералов кадет П.Н. Милюков, и глава Временного правительства эсер А.Ф. Керенский, и идеолог пролетарского мессианизма Л.Д. Троцкий сходятся в констатации факта существования органичной связи ленинизма и крестьянского движения, близости большевизма исторически сложившимся формам мировоззрения и поведения крестьян, в том, что разгадку революции следует искать в истории культуры русского народа. Схожие выводы содержатся и в *воспоминаниях и дневниках русских генералов* (А.И. Деникина, Ю.Н. Данилова, А.И. Верховского и др.), пытавшихся понять причины катастрофы (в том числе, и роль крестьянского вопроса в армии и революции); и в *литературных рефлексиях* писателей–современников событий (М. Горького, В.Г. Короленко и др.).

8. *Местная и центральная периодическая печать за 1917 г.* позволяет отчетливо представить роль крестьянства в общероссийской жизни и описать специфику региона, воссоздать динамику процессов в деревне и за ее пределами. В *местных большевистских газетах* (самарская «Приволжская Правда», саратовский «Социал-демократ») есть данные о целях и средствах большевиков и о практических формах их борьбы за массы с кадетами, меньшевиками, эсерами. Органы печати поволжских *кадетов* (например, «Саратовский листок»,

самарский «Волжский день») знакомят со взглядами местных либералов на характер и движущие силы «смуты», ход крестьянского движения и определяющие его факторы (вытекающие из уровня культуры масс) и на тактику большевиков. Аналитико-обзорные и полемические статьи, корреспонденции и репортажи с мест включают ценнейшие зарисовки с натуры. Любопытные сведения по сопоставлению ленинцев и крестьян почерпнуты из *меньшевистских* изданий (например, саратовского «Пролетария Поволжья»). Материал по всем вопросам содержится в *эсеровской* периодике. Самарская и саратовская «Земля и Воля», «Симбирская Народная Газета» центральное место неизменно отводят крестьянскому вопросу. Определенная информация получена из местных неполитических *церковных* изданий (так, «Симбирские Церковные Ведомости» выражают озабоченность положением в деревне и уровнем культуры ее жителей, неспособных к сознательному участию в политической жизни и являвшихся легкой добычей для безответственных партий). Пресса позволила взглянуть на проблемы «изнутри», глазами представителей разных сил, и охарактеризовать поведение партий «со стороны», с точки зрения его согласованности с настроениями крестьянства.

Несмотря на представительность опубликованных источников, большее значение имело ознакомление с неопубликованными источниками, сохранившимися в областных и центральных архивах. В ходе исследования использованы документы, хранящиеся в Государственном Архиве Российской Федерации /ГА РФ/, Российском Государственном Архиве социально-политической истории /РГАСПИ/, в Государственном архиве Самарской области /ГАСО/, Государственном архиве Ульяновской области /ГАУО/, Центре документации новейшей истории Ульяновской области /ЦДНИ УО/.

Из материалов ГА РФ отметим ценность таких информационно емких фондов, как **Ф.1796** (*Главный Земельный Комитет Министерства земледелия*

Временного правительства), **Ф.1788** (*МВД Временного правительства*), **Ф.1791** (*Главное Управление по делам милиции МВД*), в которых сосредоточены обзоры, составленные на основе сообщений с мест и посвященные характеристике крестьянского движения и сопоставлению его с агитацией партийных организаций по губерниям.

В фондах **РГАСПИ** интерес вызывает **Ф. 274** (*ЦК ПСР*), где сохранились данные, дающие яркую картину мнений главных соперников ленинцев в сельской местности, уже тогда пытавшихся подвергнуть анализу вопрос о «родстве» ментальных установок крестьянства и лозунгов большевизма.

Из фондов **ГАУО** в наибольшей степени были использованы **Ф. 677** (*Симбирский губернский комиссар Временного правительства*), **Ф. 947** (*Симбирский Губернский Земельный Комитет*), в которых собраны данные об «аграрных беспорядках», в том числе отчеты о поездках по деревням представителей различных общественных и политических структур, материалы о местных крестьянских организациях, жалобы землевладельцев и прочие документы, по которым можно реально судить о социальном поведении крестьян и его подлинных мотивах.

Богатейший материал отложился в фондах **ГАСО** (**Ф. 820** - *Самарский Уездный Исполнительный Комитет Народной Власти*, **Ф. 768** - *Самарский Уездный Земельный Комитет* и др.), сохранивших часть переписки по крестьянскому вопросу, протоколы заседаний различных организаций, приговоры сельских сходов и крестьянские наказания. Нельзя не отметить **Ф. 823**, где содержится комплекс уникальных документов (например, доклады членов Советов, командированных для борьбы с расхищением частновладельческих имений), и материалы, собранные в свое время истпартом (**ФП. 3500**, **ФП. 651** **ГАСО**, **Ф. 57** **ЦДНИ УО**, **Ф.70**. **РГАСПИ**), где содержится множество воспоминаний свидетелей и участников, позволяющих получить рельефное

представление о социально-психологическом «климате» исследуемого периода и его персонажах. Из них почерпнута значительная часть материала, положенного в основу диссертации.

Научная новизна диссертации обусловлена как выбором ее темы, ранее никогда не являвшейся предметом особого исследования, так и ее специфическими результатами, позволяющими по-новому осмыслить природу и механизм русской революции и представляющими авторский вариант концептуального решения крупной исследовательской проблемы, отвечающий современному уровню исторической науки.

В ходе работы осуществлялось введение в оборот новых источников, характеризующих социокультурный аспект революционных событий в поволжском регионе, и новое концептуальное прочтение материалов, уже использованных историками.

Через комплексное конкретно-историческое исследование, выполненное на полидисциплинарной основе с использованием современных методов и концепций гуманитарных дисциплин, автор выходит на уровень теоретических обобщений, впервые рассматривая социокультурные взаимосвязи партии большевиков и крестьян-общинников в качестве специфической доминанты регионального политического процесса, что позволило сконструировать и обосновать теоретическую модель, способную преодолеть как идеологические догматы советского прошлого, так и публицистический негативизм «перестроечных» подходов, раскрыть реальные, до сих пор неизученные закономерности, проявившиеся в «смуте» 1917 г.

Работа является определенным вкладом в раскрытие взаимовлияния социокультурных особенностей масс и партий в российском политическом процессе и дает возможность с большей достоверностью говорить о его настоящем и будущем.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее результатов в ходе дальнейшего исследования социокультурного содержания революции. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке научных трудов, справочных и учебных изданий; чтении лекционных и специальных курсов по отечественной истории. Опыт исторического изучения деятельности партий по привлечению на свою сторону масс может быть полезен при разработке конкретных мер по оздоровлению современной политической ситуации.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на кафедре отечественной истории новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. Они отражены в научных работах, представлены в сообщениях на научных, научно-практических и научно-методических конференциях вузовского, межвузовского, регионального (поволжского), всероссийского и международного уровней.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы. Первая глава посвящена анализу роли крестьянского вопроса в политической жизни Поволжья, что носит характер объемной конкретизации проблем, рассматриваемых далее, и раскрытию целей и средств использования партией Ленина данного вопроса. Во второй главе рассматриваются в качестве причин, обусловивших успех большевизма в массах, уровень политико-правовой культуры крестьянства и особенности его отношения к различным политическим партиям. Третья глава посвящена характеристике динамики взаимосвязи крестьянского движения и прихода к власти большевиков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи исследования, его

методологические основы, дан анализ степени изученности проблемы и источниковой базы, охарактеризованы научная новизна и практическая значимость диссертации, описана ее структура.

В первой главе - «Крестьянский вопрос в Поволжье и деятельность большевиков в 1917 году» - характеризуется роль крестьянского вопроса и его социокультурного аспекта в общей картине революционных процессов в губерниях и дан анализ стратегии и тактики большевиков в конкретно-историческом контексте их борьбы за крестьянские, солдатско-крестьянские и рабоче-крестьянские массы. «Крестьянский вопрос» рассматривается как сложная многоуровневая конструкция, в которой аккумулировались и резонировали взрывоопасные противоречия политической, экономической и социокультурной жизни общества. Это был не просто вопрос о земле, - это был вопрос о мире, о путях выхода из глубочайшего системного кризиса, об общественном согласии или гражданской войне, об эволюционной или революционной альтернативе, - это был вопрос об историческом выборе дальнейшего пути. В условиях, когда дорогу к власти любой организованной силе могла открыть только поддержка народной стихии, крестьянский вопрос был вопросом о власти и фактической доминантой региональной политической жизни. Именно он стал роковым для рожденной Февралем новой политической системы, претендующей на звание «самой демократической в мире» и продемонстрировавшей свою несостоятельность в решении этого коренного («корневого») вопроса, являвшегося питательной средой для возникновения конфликтов в остальных сферах и важнейшим фактором поляризации общественных сил. Власти недооценили бунтарские потенции крестьянства и упустили время народного доверия. Потеряв терпение, крестьянские массы приступили к активным самостоятельным («самочинным») действиям по реализации своих чаяний традиционными методами и показали себя не пассивным объектом политики, а

могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Крестьянское воздействие на жизнь губерний проявлялось не только в сельской местности, но и во всех значимых событиях в городах региона, сказывалось на позиции и действиях власти, партий и самых разных организаций.

Крестьянский вопрос был также вопросом социокультурной разорванности власти и народа, городских «верхов» и «деревни». Лишившись поддержки крестьянства, официальная власть «повисла в воздухе». Пользуясь развалом имперских карательных структур и бессилием парализованного политическими шарлатанами государства, раскачанная модернизацией, войной, революцией и партиями, утратившая «почву» крестьянская стихия фактически беспрепятственно чинила свое «правотворчество снизу», не дожидаясь «закона сверху». Крестьянский вопрос – «гордиев узел» русской революции, в котором переплелись интересы различных массовых слоев общества, - это еще и вопрос об особой ментальности русского народа и исторической предрасположенности российского общинного крестьянства к активным действиям в условиях смутного времени, к «бунту» как главной форме народного протеста в России. И если позитивные потенции, таящиеся в недрах крестьянства, не были востребованы демократическими силами в конструктивных целях социальной интеграции, то на оборотных, разрушительных чертах общинного сознания сумела сыграть партия Ленина, использовав взрывную силу крестьянского вопроса в своих интересах

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не реализовали свои аграрные программы. Откладывая меры по решению неотложной проблемы, занимавшей важнейшее место в сознании большинства, они отдали инициативу большевикам, которые воспользовались просчетами безвольных оппонентов, стремясь еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений и превратить крестьянский вопрос в полигон для решающей схватки за власть, а крестьянство - в орудие большевизма, способное взломать легитимные структуры и придать

готовящемуся перевороту масштабы общегосударственной революции

Для ленинцев крестьянский вопрос являлся исключительно вопросом о власти, а само крестьянство являлось инструментом и сырьем для реализации стратегических целей. Свою тактику они вынужденно координировали с крестьянскими требованиями, поддерживая, по слову вождя, «всякий протест и всякую вспышку», придавая значение не программе, а оперативному реагированию на конкретную ситуацию, подчиненному захвату власти любой ценой; «революционной целесообразности», диктовавшей необходимость подстегнуть «мужицкую Русь» к восстанию; адресно выверенным популистским лозунгам (с первостепенным учетом психологии масс), озвучивавшим на новый лад традиционные ценности. Именно традиционные общинные лозунги крестьянства, усилиями ленинцев приобретшие форму квазирелигиозной социалистической идеологии, становятся основой успеха большевизма. Большевики, организации которых почти совсем не были представлены в сельской местности и не вели систематической работы среди крестьян, использовали обстоятельства усиливающегося кризиса для экстремистской пропаганды и последовательно расширяли социальную базу своих идей.

Вторая глава диссертации - «Социокультурные параметры расстановки политических сил в поволжских губерниях» посвящена исследованию социокультурного облика крестьян и их отношения к партиям и предлагаемым ими альтернативам. В ней доказано, что социокультурный раскол между интеллигенцией и народом не только не был преодолен, но, напротив, все более углублялся. Система нормативно-ценностных представлений крестьян о «правильном порядке» оказалась в непримиримом противоречии с новыми ценностями. Именно этот раскол между массами и элитой, идеологически игнорировавшей большинство, послужил главной причиной краха демократии.

На фоне роста радикализации настроений масс уровень их культуры оставался низким. Основой ее служили традиции общинности, в том числе авторитарный коллективизм, категорическое неприятие частной собственности на землю, правовой нигилизм, доходящий до полного презрения к праву, если оно не обеспечено репрессивным механизмом; стремление к единообразию практической жизни и мышления, склонность к восприятию простейших рецептов, готовность к расправе с «врагами», в разряд которых может быть отнесен любой, чье мнение не сходится с мнением «мира»; возможность мобильного перехода к крайностям социального поведения, в концентрированном виде проявляющемся в двух поведенческих стереотипах: смирение или «бунт, бессмысленный и беспощадный».

Отношение крестьян к партиям определялось социокультурными параметрами. В условиях химеризма демократии, определяющее значение в борьбе за массы имели не программные установки партий, а отношение крестьянства к самим партиям, какими они представлялись в народном сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных хитросплетений. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было соответствовать национально-культурным особенностям народного менталитета, носителем сущностных черт которого выступала крестьянская община, а успех партии определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала социальной психологии крестьянства, насколько ее тактика корреспондировалась с его поведенческими стереотипами, насколько лозунги партии были понятны крестьянину и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками.

В экстремальных условиях, *либеральные* ценности, искусственно трансплантируемые *кадетами* в чуждую им историческую среду, без

соответствующей идеологической «прививки» массам и органичного включения их в состав доступной народу «национальной идеи», а также без обеспечения их силой государства, не нашли поддержки со стороны массового сознания, в котором стали доминировать экстремистские настроения. Элементарное непонимание крестьянами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что бессознательно-доверчивое отношение масс сменилось жадой расправы. В атмосфере «митинговой демократии» интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. К осени озлобление масс достигает апогея. Российская «демократия» в это время является свободой безнаказанного насилия, жертвами которого все чаще становятся кадеты как олицетворение inferнального «зла буржуазии». Пытаясь воплотить в жизнь свои теоретические программы игнорируя реалии крестьянского сознания, либералы проиграли борьбу за массы, отторгнувшие либеральную альтернативу.

Проследить отношение крестьян к *РСДРП(м)* сложнее, так как *меньшевики* почти не проводили работы в среде сельского населения. Являясь влиятельной силой «революционной демократии», партия меньшевиков не искала опоры в сознании крестьян, в чем проявилась не просто политическая близорукость партийных функционеров в условиях крестьянской державы, а принципиальный отказ от ставки на стихию, от использования разрушительной мощи крестьянского вопроса в целях захвата власти. Это во многом определило судьбу партии, сблизившейся с «образом врага» и разделившей участь либералов.

Эсеры, популярные в крестьянской среде благодаря традиционному лозунгу «Земля и Воля» и аграрному проекту, соответствовавшему уравнительным идеалам, сыграли важную роль в раскачивании масс, во многом спровоцировав погромное движение в сельской местности и дестабилизацию

всей социально-политической системы. Но, перейдя от пропаганды революционного пути решения земельного вопроса к попыткам решения вопросов государственного значения конституционным путем, неонародники утратили контроль над развязанной стихией движения масс. На растущей нетерпимости последних завоевывала свой политический капитал *партия Ленина*, выдвигавшая простые рецепты немедленного насильственного решения всех вопросов и демонстрировавшая готовность удовлетворить любые требования масс.

В третьей главе – «Крестьянское движение и большевизм от Февраля к Октябрю» показано, что ход событий с марта по октябрь представлял процесс трансформации критической массы социального конфликта, «гвоздем» которого был крестьянский вопрос, в социальный взрыв, итогом чего стала победа большевизма, являвшегося самым почвенным из русских революционных движений. Первоначальное настроение выжидания со стороны крестьян, которые, будучи не в силах разобраться в «городских делах», демонстрировали привычную готовность к смирению перед властью, по мере осознания бессилия этой власти изменяется на прямо противоположное. Фетиш Учредительного собрания прекратил играть сдерживающую погромное движение роль. И если тотчас после падения самодержавия крестьянские выступления носили спорадический характер, к лету существенно возросли, но еще пытались сохранять видимость законности, то осенью крестьянское движение фактически приняло антигосударственный характер. Власть демонстрировала неспособность остановить анархию на местах, заваливая «расходившиеся темные массы» «запретительными» циркулярами, которые все чаще игнорировались не только массами, но и органами местной власти.

Оправившись от психологического шока, вызванного крушением монархии

и традиционной идеологии, оказавшись в ситуации отсутствия факторов, сдерживающих опасные для государства общинные формы поведения, ощутив недееспособность «демократической» власти и безнаказанность противоправных выступлений, крестьяне обвальюно множат «аграрные беспорядки», объективно взяв на вооружение большевистские лозунги (несмотря на эпизодичность работы ленинцев в сельской местности и отсутствие там организационных ячеек их партии). Ставка на «стихию» обусловила успех большевиков, основными проводниками влияния которых в деревне стали ожесточенные войной солдаты, сыгравшие роль детонатора во всеобщей эскалации насилия, терроризировавшие конструктивную часть «мира», сметавшие последние остатки права в деревне. Наступившая там анархия, зачастую именуемая «аграрным большевизмом», явилась отказом от поддержки «демократии» и сдвигом к традиционализму, мобилизованному большевиками.

Колебания в массовом сознании крестьянства от упоения анархическим идеалом безвластия до признания необходимости твердой власти, в социокультурном плане сохранявшей преемственность от традиционного российского самодержавия, закономерно закончились установлением диктатуры. Успокоенное перехваченным большевиками у эсеров на время закрепления новой власти земельным декретом, отвлеченное от происходящих в центре событий «черным переделом» на местах, нейтрализованное иллюзией осуществления вековых чаяний, локализованное всевластием сельских сходов под лозунгом «Вся власть Советам», абсолютное большинство населения предоставило политическую арену в полное распоряжение большевикам.

В заключении диссертации сформулированы концептуальные выводы по теме исследования в соответствии с его задачами. Исследованием доказано, что постфевральская демократия утвердилась только в формально-

институциональном смысле, но в плане социокультурном осталась партийно-правительственным мифом. Традиционная «русская идея» была девальвирована, скрепить же устои новой государственности новой идеологией пришедшие на смену самодержавию силы не смогли, не облекли соответствующие ценности в национальные одежды, дискредитировали их затянувшейся сверх всякой меры нерешенностью насущнейших задач. Введенные «свободы», оказавшись в противоречии с социокультурными архетипами, не были подкреплены ни развитой правовой системой, ни единством институтов власти, ни деятельностью силовых структур и были уничтожены народной стихией, выразителем которой стал на время большевизм.

Исследование позволяет сделать и практические выводы. Необходимо помнить, что идеализируемые черты национального характера, имеющие огромный положительный потенциал, не исчерпывают весь спектр реальных проявлений российской ментальности и имеют оборотные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенций, если политики забывают, что в основе стабильности общества лежит массовое сознание, имеющее исторически обусловленную социокультурную специфику, которую нельзя игнорировать. Масштабные реформы не должны осуществляться при отсутствии их общенациональной концепции, способной выступить в качестве консолидирующего начала, преобразующего традиционные черты массового сознания в конструктивный фактор гражданского общества; и, уж тем паче, они не должны проводиться в конфликте с основополагающими ценностными установками народа. Автор полагает, что подобные исследования должны способствовать пониманию природы и механизма массовых движений в России, проведению политики, адекватной массовому сознанию, и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении масс и партий.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Политические настроения поволжского крестьянства в марте-октябре 1917 г. (историографический аспект). // Постигая прошлое и настоящее. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Саратов: Саратовский университет, 1997. С. 72–75 (0,3 п.л.).
2. Политическая и правовая культура крестьянства и исторический выбор 1917 года. // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 1997. С. 18-23 (0,4 п.л.).
3. Либеральная альтернатива и крестьянские массы: политико-правовой аспект. // Постигая прошлое и настоящее. Вып. 7. Саратов, 1997. С. 21-24 (0,2 п.л.).
4. Русская революция: идеология либерализма и крестьянский традиционализм. // Ученые записки УлГУ. Сер. Гуманитарные науки и социальные технологии. Вып. 1(3). Ульяновск, 1998. С. 48-50 (0,2 п.л.).
5. Изучение истории русской революции как социокультурное освоение российской действительности. // Ученые записки УлГУ. Сер. Образование. Вып. 1.: Материалы Всероссийской научной конференции. Ульяновск, 1999. С. 89-91. (0,2 п.л.).
6. Крестьянский вопрос в революции 1917 года (новые подходы). // Ученые записки УлГУ. Вып. 2(5). Ульяновск, 1999. С. 21-22. (0,1 п.л.).
7. Большевики и крестьяне (к вопросу о социокультурном содержании 1917 года). // Там же. С. 23-24. (0,1 п.л.).
8. Тактика партии большевиков и пьяные погромы. // Ученые записки УлГУ. Вып. 1(4). Ульяновск, 1999. С. 71-87. (0,9 п.л.).
9. Партия большевиков и ее политические противники в борьбе за крестьянские массы (1917 г.). // Постигая прошлое и настоящее. Вып. 9. Саратов, 1999. С. 39-44. (0,3 п.л.).
10. Программа большевизма и крестьянский вопрос в 1917 году: аграрная программа или знамя народного бунта? // Прошлое и настоящее России: политика, экономика, культура. Саратов, 1999. С. 101-111. (0,5 п.л.).
11. Крестьяне и партии в 1917 г.: исследование социокультурного аспекта. // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М.: ИАИ РГГУ, 1999. С. 98-99. (0,2 п.л.).
12. К вопросу о применении социокультурного подхода для получения нового гуманитарного знания. // Гуманитарные науки на рубеже веков. М.: МФЮА, 2001. С. 37-39. (0,2 п.л.).
13. К вопросу о социокультурной модели русской революции 1917 года. // Актуальные проблемы изучения и преподавания гуманитарных наук в высшей школе: Материалы международной научной конференции. М.: МФЮА, 2001. С. 36-40. (0,3 п.л.).